

П. Н. МАЛЯНТОВИЧ

<«А в Петрограде, значит, нет войск, готовых защищать Временное правительство?»>

<...> Уже две ночи провел Керенский в Главном штабе и должен был провести и третью — с 24 на 25 октября.

Во главе военной борьбы предполагавшегося военного выступления большевиков и защиты от них правительства и Петрограда должен был быть поставлен непременно член Временного правительства, — в политическом отношении. Предстояла борьба с «внутренним врагом». В каждый данный момент ночи и дня могли возникать вопросы политические, могла явиться необходимость разрешить вопрос о допустимости или недопустимости, с политической точки зрения, осуществления той или иной вполне, скажем, достижимой военной задачи, которая, однако, могла быть бесцельной или даже вредной в политическом отношении.

Предоставлять разрешение политических вопросов военному командованию нельзя по двум причинам. Во-первых, потому, что эти вопросы, и в особенности в тот момент, не только были исключительным правом, но и неустранимой обязанностью только Временного правительства. Расходясь на ночь, члены Временного правительства могли вручить свои полномочия только члену Временного правительства. Во-вторых, военное командование должно вести исключительно военными задачами и не растрачивать ни своей энергии, ни своей решимости на решение вопросов политических, что неизбежно всегда должно вызывать замедления и колебания, которые могут сыграть роковую роль.

Обязанности военного министра в тот момент исполнял генерал-лейтенант Маниковский¹, принявший назначение, ввиду увольнения в отпуск военного министра генерал-майора Верховского², всего за три-четыре дня до этого, причем он поставил условием, что он

будет исполнять исключительно военно-технические обязанности и в политическом отношении будет лишь исполнять прямые предписания и указания Временного правительства. Он отказался принять на себя военно-политическое руководство в обороне против предполагавшегося выступления большевиков.

Естественнее всего было возложить эти обязанности на министра-председателя, который был в то время и верховным главнокомандующим, — на Керенского. Ему было поручено Временным правительством организовать при Главном штабе надлежащее военное командование, не стесняясь, если бы это понадобилось по условиям момента, произвести необходимые личные перемены. Были высказаны мнения относительно отдельных лиц в Главном штабе.

24-го Керенский доложил, что все в штабе и гарнизоне налажено и что он не нашел нужным произвести какие-либо перемены лиц. Главные и руководящие обязанности в военном отношении были возложены на полковника Полковникова³ и генерала Багратуни⁴...

24-го октября мы разошлись рано... во втором часу ночи. Все члены Временного правительства, кроме Керенского, — по квартирам, Керенский ушел в Главный штаб...

Вернувшись к себе, я еще провел часа полтора в кабинете, подготавливая план занятий на следующий день... Распорядился разбудить себя в половине десятого.

<...>

Я был разбужен в девять утра.

Приотворив дверь, курьер Министерства юстиции Михаил Александрович Тюрин негромким, учтивым, но и внятным и настойчивым голосом старался меня разбудить. Я спал крепко, заснувши только в седьмом часу утра.

«Господин министр, вставайте. Еще только девять часов, но министр-председатель просили по телефону, чтобы вы были в Генеральном штабе непременно к десяти часам. <...>

Я проехал к Главному штабу. Он расположен, как известно, справа от Зимнего дворца, если стоять к последнему лицом.

Подъехал, вышел из автомобиля, подошел к подъезду и... все понял.

У подъезда не было никакой охраны. Каждую минуту в подъезд входили и выходили из него поодиночке и группами военные лица всех чинов и родов оружия. Дверь его казалась настежь открытой, и только колебаниями своими выдавала, что она не открыта, а постоянно открывается, не успевая закрыться.

Я пошел, никто меня не знал, но никто не спросил меня при входе.

По лестнице в два марша непрерывно подымались и спускались солдаты, офицеры всех чинов, реже юнкера. Лица хлопотливые и сосредоточенно-встревоженные.

Все ли это «свои»? Сколько здесь большевиков? Их может быть сколько угодно. Входи и... бери.

Они потом так и сделали: вошли и сели, а те, кто там сидел, встали и ушли — штаб был занят...

Поднялся во второй этаж. На площадке у средней двери — юнкер с ружьем, на которое, держа его за штык правой рукой, опирается как на палку... Он мог быть и без ружья, а хорошая палка была бы удобнее. Спрашиваю:

— Не знаете ли, где здесь министр-председатель?

Отвечает любезно:

— Извините, не знаю. А вот пройдите к дежурному офицеру, сюда — налево, он вам скажет.

Вхожу. Большая, плохо освещенная комната. Прямо против входной двери окно, по степам с двух сторон — двери. Посредине большой стол, на нем бумаги в полном беспорядке. За столом никого. Через комнату проходят постоянно военные люди в пальто и без пальто, в шапках и без шапок, — через входную дверь и через двери из внутренних помещений, — приходят, проходят, уходят — с бумагами и без бумаг.

Меня не знают. Я здесь чужой. Но не обращают никакого внимания. Вскинет глазом иной и спешно идет дальше...

Я могу взять с этого стола бумаги, сложить их, не спеша, и унести, положить в любое место бомбу; на стене наклеить призыв к свержению правительства...

Проходит какой-то генерал, читая на ходу бумагу. Останавливаю вопросом, не знает ли он, в каком помещении в штабе находится министр-председатель. Остановился, поднял голову, взглянул поверх очков взглядом человека, которого только что разбудили, но он еще не пришел в сознание, и резко буркнул:

— Не знаю! Спросите дежурного офицера, — и пошел.

Потом вдруг остановился, обернулся, опять взглянул, поверх очков, но взглядом человека, которого осенила неожиданная, но властная мысль, и сказал раздраженно:

— А шапку, знаете ли, не мешало бы снять!

Это было резонно. Я снял шапку и вышел опять на площадку, решив пройти прямо в кабинет начальника штаба. Спросил юнкера — где. Указал.

Подошел к двери кабинета. Доложить, конечно, некому.

По коридору снуют люди непрерывной чередой вперед и назад, но у двери начальника штаба нет никакого караула, даже нет никого, кто бы мог доложить...

Можно войти в кабинет беспрепятственно группой и, войдя бесшумно, сказать спокойно: «Вы начальник Главного штаба? Объявляю вам, что вы арестованы...».

Я нажал ручку двери и вошел в кабинет без доклада.

Прямо против двери, лицом к ней, спиной к окнам стояли Керенский, Коновалов, Кишкин, генерал Багратуни⁴, адъютанты Керенского и другие, мне незнакомые.

Один высокий, бритый с лицом иностранца что-то говорил Керенскому.

Керенский был в широком сером драповом пальто английского покроя и в серой шапке, которую он всегда носил.

Лицо человека, не спавшего много ночей, бледное, страшно измученное и постаревшее.

Смотрел прямо перед собой, ни на кого не глядя, с прищуренными веками, помутневшими глазами, затаившими страдание и сдержанную тревогу.

Подав мне руку, взглянув рассеянно и мельком.

Я поздоровался с Кишкиным и Коноваловым.

Было очевидно, что я пришел к концу какой-то беседы, хотя было только десять часов, и что Керенский куда-то собирается ехать один: и Кишкин, и Коновалов были без верхнего платья.

— В чем дело? — обратился я к Коновалову вполголоса.

— Плохо! — ответил он, глядя на меня поверх пенсне.

— Куда он едет?

— Навстречу войскам, которые идут в Петроград на помощь Временному правительству. В Лугу. На автомобиле. Чтобы перехватить их до вступления в Петроград и выяснить положение, прежде чем они попадут сюда — к большевикам.

— Навстречу войскам, идущим сюда на помощь, Временному правительству? А в Петрограде, значит, нет войск, готовых защищать Временное правительство?

— Ничего не знаю! — Коновалов развел руками. — Плохо, — прибавил он.

— И какие это войска идут?

— Кажется, батальон самокатчиков.

Поистине плохо, если в день несомненной опасности военного восстания в Петрограде для защиты Временного правительства

и государственного порядка надо ехать в Лугу навстречу... батальону самокатчиков.

Кто-то доложил, что автомобили поданы. Оказывается, один из двух автомобилей был предоставлен Керенскому, по его просьбе, одним из союзнических посольств, по-видимому, автомобильная база уже не была в распоряжении правительства.

Керенский наскоро пожал всем руки.

— Итак, вы, Александр Иванович, остаетесь заместителем министра-председателя, — сказал он, обращаясь к Коновалову, и быстрыми шагами вышел из комнаты...

С этого момента мы больше не видели Керенского. <...>

